

Дмитрий ВОЛКОВОЙ

УГАСАНИЕ

*«как одеялом и как пухлым краем
это плечо и грудь закутывались морем
холодным днем со смерчем в форме лепестка»*

в цвета магнолии, пастельных очертаний
метлахской плитки санатория
эта энергия весь мир сейчас перенесла

сталкивающиеся голоса

как хорошо в чужой язык вселяться,
усиливать его настройку выпуклости: стилизация,

сказ, диалог, пародия.
тебе навязчиво на ухо кашляет
неуязвимый шок

такое вот сегодня
необработанное дерево и неокрашенный

шелк

вскипевших апельсинов светом
касается листва и демон
кожи сумерек утонченной.

запахавшимся ветром
захвачено озолоченное экс-лето
мир, сотрясаемый испугом
сегодня опоздавший, шепотной

широких скул строительной канавы
своей построенностью старой

Дмитрий Волковой родился в 1998 году, аспирант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, юрист. Публиковался на сайте «Полутона», в журналах «Воздух», «Волга». Книга стихов «Сны, музыка и линии жизни» (Чебоксары: Free Poetry, 2024).

касается едва-едва брендмауэр
сам в сумерки шириной

все это место точно божье
здесь все, что начинается – светло и осторожно
совсем не страшно сталкиваться противоположностям
в таком убежище хорошем

свобода – это взявший себя в руки / на руки покой
всегда находит место посмотреть с другого
ракурса, без накипи пристрастностей
возникающих, уходящих, уходящих и возникающих

всегда находит время и параметры
с переживанием справляться как с орнаментом
он тоже монотонный

красота однообразия фольклора

смотри-смотри в эти внезапно
остановившиеся глаза
человека в огне истории или часа.
присмотрись в зеркало и не печалься

волна слонового спокойствия
(следочки вязаные на полу холодном)
укроет чепчиком от облака тревоги
и от нелепого ожога раздражения

я очутился среди снега у дороги
и многообещающего гула
то ли условного наклонения внутренних голосов
то ли будущего в прошлом нежных снов

в том темном воскресном автобусе

лето и бёрдвотчинг пассакалия
лето движущаяся
картинка моего переживания
рассвета стриженная полоса
я всюду что-то провожаю
эспрессо мятная гебжалия
лето сборник чудо-плеоназмов
и не насытишься ни разу

лоск коленок и возвышенного лба
тотально ухмыляющаяся высота

запах тела выдохшегося пробника
слова и ночи светлые большие
новая родинка
на хлопчатобумажной шее

как же я буду без тебя
твой взгляд, молчанье, почерк

бёрдвотчинг как будильник
открытый дождь открытый океан
летит в медлительной пустыне
когда захочет

бёрдвотчинг как пустырник
спокойной ночи.

прямые линии сосен
и их игра в пятнашки с солнцем
какая радость проявлять волю
и представлять что-то свое и дорогое

ни фото, ни рисунок
главное не растолкуют

не растолкуют главное высказывание сосен:
*«мы зукариоты, как и ты,
задающий глупые вопросы»*

есть отдельная глава
в тексте их удлинённого бытия:

чаща и опушка –
единство и пограничность;

сруб и ураган –
раскол и гибель.

вы, тонкие длинные ноги
безропотных уверенных кораблей,
затонувших / расположенных в музей,

не замолкайте, не тревожьтесь.

так прекрасно находиться в безвремье
не знать который час
и слышать только звук колокольчика с улицы
(цветы или восточный механизм?)
думая, что человечество перегрелось от поэзии

не надо ему ее
пока что

я забыл фисташку в кармане куртки,
которую больше никогда не надену

Боги

выходи, бог горных рек и крепостей,
щетинистый и с полными карманами оставленных монет, перстней.
ты бил по каменному барабану скорби
грабовыми палочками воли и восторга,
тебе всегда так сытно и нескучно.
бог горных рек и крепостей, посмейся ей на ушко.

немного солнца и колхидского плюща
наброшено на охладевшие коленки ночи
и на зрачки немного освежающего ветра.
она застыла как сургучная печать,
проснулась рано с теплыми щеками.
спасибо богу лета
за пробуждения и запахи пекарни.

выходи, бог эндемизма и открытий,
коснись, и вырастут нагорных колокольчиков детеныши,
пересекутся судьбы и молитвы.
сквозь близорукость нежно проявляются
иконы, море, поручни.
и этот славный трепет понимания
во мне неспешно отзывается.

вдруг на сладких конфетах раздавливать
плохие сны и внутреннее содрогание,
забрасывать овечье стадо
красными яблоками как камнепадом.
и похищать имущество ничье
а убивать – то только время, зависть, сглаз.
твои изломы и породы оббивать ручьем,
и вместе выпить пива,

и тишину улавливать всегда горазд
бог сна и мира.

пыль выметает, раковины и топазы
метлой из веток изумрудного самшита
крошечный, седой и синеглазый
бог драгоценностей и дома
не ради отчуждения, порочного избытка,
а чтобы разграничить, преумножить,
а чтобы весь орнамент был непререкаемо богат и невстревожен.

выходи, бог настроения, бог путешествий,
бог философии, бог обуви и шляп.
здесь расположена большая паутина встреч и соответствий,
ладонь большая, на которой все заботятся и понимающе молчат.

опоздание – это как нырнуть в другую воду

время меняется

из чистого ныряешь в серое и мутное
выныриваешь – если успел
если нет – разбухаешь как утопленник